

Татьяна Автухович

Личное и историческое время в мемуарных романах Ольги Ильиной-Боратынской «Канун Восьмого дня» и «Белый путь. Русская Одиссея 1919–1923»

Известный историк Марк Блок писал о том, что история – движение людей во времени, исторические события – совокупность человеческих судеб, их поступков и выбора¹. Особенно очевидной взаимосвязь личного и исторического времени, судьбы отдельного человека и судьбы страны становится в период политических и социальных катаклизмов, когда вихрь истории («взрыв», если использовать термин Юрия Лотмана) разрушает привычное течение жизни и направляет ее в иное русло. Самый сокрушительный «взрыв» в истории России XX века был осуществлен Октябрьским переворотом и вызванной им гражданской войной, результатом которого были миллионы человеческих жертв, вынужденная эмиграция и жизнь на «других берегах» для тех, кому удалось уцелеть.

Линия судьбы Ольги Ильиной-Боратынской резко изменилась после 1917 года. Правнучка известного русского поэта родилась 26 июля 1894 г. в Казани. Ее отец Александр Николаевич Боратынский, предводитель дворянства, депутат III Государственной Думы от Казанской губернии, много сделал для развития просвещения, занимался благотворительностью. В 1917 г. Ольга Александровна вышла замуж за Кирилла Борисовича Ильина, в августе 1918 г. у них родился сын. Революция и Гражданская война разрушила жизнь Ольги и ее семьи: жертвой красного террора стал отец; погиб воевавший в рядах Белой армии младший брат Александр, талантливый художник, поэт, композитор; в 1932 году в Москве был арестован и расстрелян НКВД старший брат Дмитрий. Сама Ольга Александровна после нескольких лет скитаний (с новорожденным ребенком на руках она уходит из родного города, продельывает с отступавшей колчаковской армией и другими беженцами тяжелейший путь до Красноярска, затем после нескольких месяцев жизни в уже советском Красноярске возвращается в Казань, попытавшись войти в жизнь ставшей чужой страны) в 1922 г. получила разрешение на выезд из советской России и,

---

¹ Блок, Марк. Апология истории, или Ремесло историка. Москва : Наука, 1986, 19, 30 и др.

проделав тот же путь через всю Сибирь, после встречи в Харбине с мужем, который, как и ее братья, тоже воевал на стороне белых, уехала с ним в США, где жила до самой смерти в 1991 г.

Литературная одаренность Ольги Александровны проявилась уже в юности: в 1916 году вышел первый сборник ее стихов, положительно оцененный Юлием Айхенвальдом. Однако именно трагические события революции и гражданской войны – ее личная Одиссея, трагедия Белого движения и России в целом – стали инспирацией творческого взлета. Оказавшись в эмиграции в Америке, Ольга Ильина-Боратынская была вынуждена заниматься обеспечением семьи, но потребность самовыражения и, главное, – желание зафиксировать для потомков ушедшую в прошлое эпоху, долг памяти перед погибшими – побудили ее к написанию мемуарных романов, в которых она воссоздала духовную историю дореволюционной русской интеллигенции, ее крестный путь после революции. Её перу принадлежат две книги стихов («Молчание звёзд», Сан-Франциско, 1926; «Стихи», Лос-Анжелес, 1985), публикации в коллективных сборниках и альманахах, а также автобиографическая проза – роман «Канун Восьмого дня» (1951), новелла «Санкт-Петербургский роман» (1982), роман/повесть «Белый путь. Русская Одиссея 1919–1923» (1984). Романы «Канун Восьмого дня» и «Белый путь» составляют автобиографическую дилогию о жизни героини в Казани в отцовском доме до революции и событиях Гражданской войны.

Цель статьи – рассмотреть вопрос о соотношении личного и исторического времени в мемуарных романах О. Ильиной-Боратынской. Определение жанровой специфики произведений как романов мотивируется не только тем, что автор использует вымышленные имена, зашифровывая из конспиративных соображений реальных людей (так аргументировал решение матери Борис Ильин, отмечая, что в дилогии есть только один вымышленный персонаж²), но и тем, что О. Ильина-Боратынская осуществляет романизацию жизни, повествуя о судьбе людей своего поколения в их противостоянии с расколотым историческими потрясениями миром. В то же время это именно мемуарные романы, потому что почти все описанные события основаны на восстанавливаемых в памяти реальных фактах. Поэтому предметом исследования в статье будет вопрос о способах художественной концептуализации фактов, о влиянии авторитетных литературных дискурсов на осмысление жизни, а

---

² Ильин, Борис. Предисловие // Ильина-Боратынская, Ольга. Белый путь. Русская Одиссея 1919–1923. Москва: Аграф, 2013, 4.

также о соотношении *ratio* и *emotio* – идеологических клише и живой памяти в мемуарном дискурсе.

Выбор материала обусловлен, во-первых, неизученностью произведений, которые только недавно были переведены на русский язык («Канун Восьмого дня» в 2003, «Белый путь. Русская Одиссея 1919–1923» в 2013 г.) и стали объектом главным образом читательского интереса, в то время как литературоведческие исследования, посвященные им, носят единичный характер³; во-вторых, репрезентативностью судьбы героини и ее семьи, в которой отразились судьба и особое жизнеотношение дореволюционной русской интеллигенции; в-третьих, художественной спецификой ее романов, в которых хаос жизненных впечатлений выстраивается в смысловой космос в соответствии с известными литературными моделями. Добавим к этому и очевидную литературную одаренность автора, захватывающую эмоциональность повествования, которая отличает книги от других образцов жанра и позволяет отнести О. Ильину-Боратынскую к числу наиболее ярких представителей литературы русского зарубежья.

Специфика избранных для анализа произведений делает необходимым определение теоретических позиций по проблеме художественного вымысла и его соотношения с документом в мемуарном романе. Умберто Эко писал, что всякий текст «описывает или предполагает некий Возможный Мир»⁴, а его автор занимается сотворением мира, понять который можно только на фоне реального мира, поскольку литературное произведение, подобно мифу, помогает

«сообщить форму, структуру хаосу человеческого опыта, <...> придать осмысленность бесконечному разнообразию вещей, которые произошли, происходят или еще произойдут в настоящем мире. В этом и состоит утешительная функция литературы – именно ради этого люди рассказывают истории и рассказывали их с самого начала времен»⁵.

Безусловно, сказанное относится и к мемуарному тексту, в котором автор не столько стремится рассказать об увиденном и пережитом (закрепить утраченное время, исчезающую реальность), сколько пытается выявить внутреннюю логику прожитой жизни и определить свое место (предназначение) в мире.

---

³ См., напр.: Автухович, Татьяна. «Канун Восьмого дня» О. Ильиной-Боратынской: исповедь поколения идеалистов // Русскоязычные писатели в современном мире / Russischsprachige Schriftsteller in der heutigen Welt. Под науч. ред. проф. Майи Полехиной. Вена: Венский литератор, 2014, 74–79.

⁴ Эко, Умберто. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2006, 54.

⁵ Эко, Умберто. Шесть прогулок в литературных лесах. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2002, 163 и др.

Закономерно, что любое повествование строится по известным литературным моделям: «каждый текст, в том числе и научный, есть преодоление (т.е. риторизация) языка <...> иначе тексты не выделились бы из повседневной коммуникации»⁶; и документальный, и литературный дискурсы «преодолевают» действительность, придавая ей свойства текста, то есть «олитературируют» ее. В процессе такого «олитературирования» документ и вымысел выступают не как конкурирующие и взаимоисключающие повествовательные стратегии, где документ предстает как нечто принадлежащее самой реальности и репрезентирующее эту реальность, в то время как вымысел стремится как можно больше отдалиться от реальности, но как разные способы создания вымышленного мира, не противостоящие, а взаимодополняющие друг друга в системе нарративных решений. Поэтому любой автобиографический (мемуарный) нарратив, тем более в рамках романного повествования, выступает как *quasi*-автобиографический нарратив⁷.

«Взгляд на собственную жизнь, как на некоторый текст, организованный по законам определенного сюжета, резко подчеркивал “единство действия” – устремленность жизни к некоей неизменной цели», – писал Ю.М. Лотман, характеризуя поэтику бытового поведения и тексты XVIII века⁸. Думается, такая организующая (структурирующая) функция литературы проявляется и в другие эпохи, особенно в периоды бурных исторических событий, когда изначально присущее действительности хаотическое многообразие фактов и явлений усугубляется социальными и мировоззренческими потрясениями.

Романы О. Ильиной-Боратынской также обнаруживают влияние авторитетных дискурсов на творческое сознание автора⁹. Линии личной судьбы героини и исторической судьбы России выстроены по законам литературы. Хотя автор придерживается естественной логики повествования, нигде не отступая от хронологии событий, вместе с тем, этот, казалось бы, безыскусный нарратив формируется под

---

⁶ Смирнов, Игорь. Олитературенное время. (Гипо)теория литературных жанров. Санкт-Петербург: изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2008, 11–12.

⁷ См. об этом подробнее: Автухович, Татьяна. «Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н*****» и «Похождение прапорщика Климова»: роман как жизнь, жизнь как роман // Нарративные традиции славянских литератур: От Средневековья к новому времени. К юбилею члена-корреспондента РАН Е.К. Ромодановской: Материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск: Омега Принт, 2014, 148–154.

⁸ Лотман, Юрий. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). 2-е изд. Москва: Языки русской культуры, 2000, 537–574 (цит. 560).

⁹ См. Автухович, Татьяна, «Канун Восьмого дня» О. Ильиной-Боратынской...

воздействием разных литературных традиций. Доминирующей (сюжетообразующей) является традиция исповеди.

Исповедь как литературный жанр тесно связана с автобиографией. Однако, в отличие от последней, она обладает собственным жанровым содержанием, которое Н. Казанский определяет как «внутренний мир человека в его отношении к Богу, взятом в развитии и философски осмысляемом шаг за шагом»¹⁰, при этом отношение к Богу в исповедальном дискурсе предстает максимально проблематизированным, напряженным. К. Исупов, давая определение термина, приводит мысль П. Флоренского о том, что именно расщепление коснеющего «я» побуждает человека к исповедальному самопризнанию, чтобы «вернуться, через катарсис искомой идентичности, к целостному бытию под Божьим небом и на Божьей земле», и далее пишет: «Внутренняя энергия исповеди каждый раз собирает человека быта и человека искусства (а также героя текста) в том неотменяемом топосе жизненного мира, в котором они призваны к взаимно-творческому богочеловеческому со-деланию»¹¹.

Исповедальная тема обретения смысла жизни, сомнения в истине и затем возвращения, уже на новом уровне сознания, к Божественному свету доминирует в романах О. Ильиной-Боратынской, выступая в контрапунктном единстве с характерным для мемуарной литературы стремлением закрепить в тексте драгоценные для автора черты ушедшего быта, облик дорогих людей. Контрапункт исповедального и мемуарного дискурсов оттеняется метапоэтическими интерполяциями, в которых определяется модальность авторского высказывания. Так, в одной из последних глав романа «Канун Восьмого дня» героиня вместе с мужем и братом во время короткой передышки между боями размышляет о специфике исторической памяти, воплощённой в произведениях искусства:

«Но отчего трагедии, отдалённые во времени, принимают некоторый поэтический оттенок? Оттого ли, что[,] не в силах излечить человеческих ран, не в силах простить жизни её звериной грубости и злобы, человеческий гений стремится поднять и осветить своё отчаяние от этой грубости и злобы тайным светом своего знания о чём-то лучшем и

---

¹⁰ Казанский, Николай. Исповедь как литературный жанр // Вестник истории, литературы, искусства. Москва: Собрание; Наука, 2009. Т. 6, 73–90 (79).

¹¹ Исупов, Константин. Исповедь: к определению термина // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова. Материалы международной конференции. С.-Петербург: Изд-во Института человека РАН, 1997, 7–9 (8).

большем? Или в старых курганах была красота просто благодаря сознанию, что пылающая лава ненависти отгорела и стала прахом?»¹².

Боль утрат и потрясений, которая со временем «остынет и перестанет быть», должна быть эстетически переплавлена и осмыслена, однако бесспорно, что одну из своих задач автор романов видит в том, чтобы противопоставить эпизации (превращению в холодный мёртвый «прах») прошлого живую эмоциональную память о нём, воскресить и зафиксировать её в тексте. Переплетение исповедального, мемуарного и метатекстового планов определяет своеобразие повествовательной структуры романа О. Ильиной-Боратынской, в то время как акцентированная эмоциональность (лиризм) определяет модальность мемуарного высказывания как своеобразной поэмы в прозе.

В первом романе доминирует ностальгическая эмоция воспоминания об утраченной идиллии Дома, которая восстанавливается в соответствии с литературной традицией «усадебной повести». В центре романа – духовная жизнь автобиографической героини Ниты Огаринной. Поиск истины, смысла жизни, связи с Божественным светом определяет целостность хроники частной жизни, в которой отсутствует историческое время, а личное время оказывается неразрывно связанным с Вечностью.

Сюжет обретения живой связи со вселенной вырастает из осмысления героиней на примере собственной судьбы и судьбы своей семьи феномена русской интеллигенции. Повседневная жизнь семьи Огаринных (Боратынских) до революции определялась двумя векторами – традицией служения поэзии, красоте, воспринятой от романтиков-идеалистов первых десятилетий XIX века, и народнической традицией служения народу, России, усвоенной в её толстовской интерпретации. Чтение, занятия музыкой, живописью, литературным творчеством, общение с природой, постоянная помощь бедным и всем нуждающимся – эта жизнь представлялась Ните реальным воплощением христианского идеала. Безусловно, в таком дискурсе есть элемент идеализации: О. Ильина-Боратынская, спустя десятилетия вспоминая своих родителей, братьев, членов семьи – тетушек, бабушку, а также друзей семьи, акцентирует высокий нравственный, интеллектуальный и духовный уровень общения, принятый в среде дореволюционной интеллигенции, словно полемизируя с распространённым представлением о жизни интеллигенции как «элегантном утонченном безделье» по

---

¹² Ильина-Боратынская, Ольга. Канун Восьмого дня. Санкт-Петербург: изд-во «Славия», 2012, 324. (Здесь и далее цитируется по данному изданию с указанием страниц в тексте).

онегинскому образцу (121). В доме Огариных по вечерам собирались «всегдашники», люди разных взглядов, которых объединяла, однако, «неутолимая жажда знать, для чего они живут»(57). Размышления «о прочитанных книгах, о России и её будущем, о ниществе, о толстовстве, о религии» (56), рефлексия над нравственными основаниями каждого своего поступка, императив ответственности перед Россией как основа повседневной деятельности – вот тот камертон, наблюдаемый в живых примерах отца, теток, их друзей, по которому сверяла свою жизнь Нита и который подчёркивает автор. И, может быть, самое главное – чувство вины перед теми, кто был лишен даже не богатства, но элементарных средств к существованию, и желание отработать этот неоплатный долг перед народом, пронизывающие гневную отповедь, которую слышит Нита из уст своего отца и которая будет определять в дальнейшем её жизнь:

«Когда я думаю обо всей той несчастной молодежи, которые ради того, чтобы получить образование, готовы жить впроголодь, непосильно работать <...> и когда я сравниваю их отношение с твоим <...> меня охватывает возмущение теми, кто принимает своё благополучие как должное» (80).

Исполнение своего долга перед Россией и русским народом героиня, как и ее отец, связывает, прежде всего, со служением культуре, которую она считает основой бытия нации, залогом её будущего. При этом юная Нита не задумывается о той пропасти, которая разделяет интеллигенцию и народ, о тех, кто создает условия для её интенсивной духовной жизни. Её восприятие мира носит идеализированный, сугубо книжный характер: замкнутая на проблемах своего внутреннего мира, она считает, что постоянная благотворительность, помощь бедным, которую оказывают её отец и люди их круга, демократический стиль общения со слугами, крестьянами, просителями, принятый в семье, это и есть решение проблемы социального и имущественного неравенства, причем решение, безусловно, жертвенное со стороны дворянской интеллигенции. Сложившееся на протяжении веков социальное status-quo кажется ей естественным, и в этом смысле точнее было бы говорить о том, что героиня вообще не видит, не осознает проблему классового расслоения общества, сводя её к противостоянию людей с разным уровнем культуры.

Такое восприятие мира получало обоснование в традициях философского идеализма и гуманитарного (культуроцентристского) сознания, определявшего жизнь

русской интеллигенции XIX в., которые через отца и весь образ жизни своей семьи усвоила «тургеневская барышня» Нита. «Борьба с материализмом и атеизмом» (193), которую Александр Львович Огарин считал делом своей жизни и долгом интеллигенции, жизнь как постоянный духовный поиск, нравственно-философская рефлексия и творчество воспринимались Нитой как естественная привилегия носителей культуры. Не случайно настольной книгой Ниты был «Дневник» Амиеля, швейцарского философа-идеалиста, с его «наивно-романтическим культом идеала», «предчувствием присутствия чего-то большего: Бога, Духа, Целого» и постоянной деперсонализацией, «презрением и страхом перед низменными желаниями и интересами»¹³. Жизнь юной Ниты была сфокусирована на поиске живой связи с тем глубинным слоем сознания, которая спасала от чувства «обречённости на бессмысленность жизни»:

«... от нас самих зависело очистить себе путь к мудрому неистощимому потоку общей и вечной жизни или сгинуть без смысла и следа. <...> целью человека было держать связь с этим глубинным миром и быть проводником его сияния и смысла в эту нашу внешнюю жизнь. <...> без этой цели жизнь ничего не стоила»¹⁴.

Эта несколько отвлеченная цель сначала конкретизировалась в русле общественных устремлений интеллигенции – «творить вокруг себя радость» (195), затем – в контексте романтических представлений о пророческой функции искусства: «моё стремление было стать чистым каналом, через который глубинная вселенская жизнь вливалась бы в здешнюю ежедневность» (202).

События Первой мировой войны, затем революции и Гражданской войны заставляют героиню увидеть реальную жизнь, иных людей – озлобленных, злорадствующих, мародерствующих, открыть истинное отношение к себе и её семье крестьян – тех, для кого так много делали её родители, столкнуться со смертью и испытать отчаяние перед открывшейся перед ней бессмыслицей жизни и грозящей духовной катастрофой. Как некогда её прадед, великий русский поэт, ужаснулся приходу меркантильного «железного века», так Нита ужаснулась процессу стремительного расчеловечивания, начавшемуся в XX веке, и утрате в себе чувства

---

¹³ Визгин, Владимир. Путешествие через болезнь с Амиелем в руках // Контекст: Литературоведческие исследования, 1994–1995, Москва: Наследие, 1996, 193, 188, 189.

¹⁴ Ильина-Боратынская, Ольга. Канун Восьмого дня. Санкт-Петербург: изд-во «Славия», 2012, 188. (Здесь и далее цитируется по данному изданию с указанием страниц в тексте).

красоты мира и связи с божественным началом, одухотворяющим вселенную. Не физические и материальные лишения, не страх за свою жизнь и новорожденного ребенка (с младенцем девяти дней от роду на руках Нита, которая не умеет даже запеленать ребенка, уходит из Казани, в которую должны войти красные войска и пребывание в которой сулит ей неизбежную гибель), а нравственные страдания, вызванные духовным кризисом, заставляют её мучиться и снова и снова вопрошать себя:

«<...> сколько лет ты училась тому, как переступить через порог осмысленно, как пронести через него добровольно драгоценный свет внутренней жизни, того Смысла, который горит в тебе... но посмотри на себя сейчас! Где этот смысл? Где истина? Куда она скрылась вот сейчас, когда она тебе нужнее, чем когда-либо?» (303).

Только выход за пределы личного пространства, осознание универсальности той жизненной драмы, которую пришлось пережить дворянской интеллигенции после революции, честное признание высокой цены, которую платили простые люди за её право жить духовной жизнью, понимание пережитой трагедии как «ступени к новой, иной свободе» (314) помогает Ните преодолеть духовный кризис. Способность к рефлексии и анализу, сформированная в процессе чтения и постоянной духовной работы, спасает героиню от обиды на народ, позволяет занять позицию вменяемости и достигнуть высоконравственной, подлинно христианской, оценки происходящего. Как завет XIX века себе и своему поколению она вспоминает слова отца: «...Потерять веру в возможность высшей, духовной жизни это самая низкая и страшная измена <...> Долг каждого из нас – это постоянно побарывать свою низшую, неодушевлённую природу <...> Окончательный долг человека – это снова и снова воскрешать себя из мертвых» (342). Свидетельством окончательного преодоления расщеплённости «я» и обретения целостности звучат слова, которыми заканчивается роман:

«Я встала на колени и из глубины моего сердца, переполненного болью и радостью, благодарила Бога за всё, что у меня ещё было. За то, что Он дал мне самое большое земное счастье – любовь. И веру. И цель жизни. Самодовлеющую цель. Цель, которой я могла изменить. Но которая никогда не могла изменить мне» (343).

Написанный тридцатью годами позже роман «Белый путь. Русская Одиссея» структурирует хаос жизненных впечатлений и воспоминаний о гражданской войне по законам героического и агиографического дискурсов – их синтез определяет своеобразие повествования. Исповедальная тема не исчезает во втором романе, но уходит на задний план, представляя своеобразный аккомпанемент основным темам, которые задаются посвящением («Моему мужу и моим братьям, и всем, кто участвовал в этой обреченной, но благородной борьбе») и эпитафией, в качестве которой выступают строки прадеда автора Евгения Боратынского: «Две области – сияния и тьмы – / Исследовать равно стремимся мы». В отличие от романа «Канун Восьмого дня», в центре которого стояла напряженная духовная работа автобиографической героини, направленная на самопознание и нравственно-философское самоопределение, в «Белом пути» происходит расширение времени, в котором смыкаются время личной судьбы и время истории. Об этом свидетельствует и вторая часть названия книги – «Русская Одиссея 1919–1923», благодаря которому тяготы личной судьбы Ниты Огаиной предстают как часть судьбы России. Повествование, таким образом, приобретает эпический размах, достигает высокой степени обобщения, и в этом отношении произведение О. Ильиной-Боратынской вписывается в типологический ряд таких известных «одиссей» XX века, как «Тихий Дон» М. Шолохова и «Унесенные ветром» М. Митчелл.

Эпическая картина гражданской войны в романе определяется антитезой сияния Божественного света в душе героини и ее спутников и внешней тьмы, грозящей поглотить и уничтожить все вокруг, она же определяет и способы осмысления сил, действующих в этой всемирной схватке. В этой антитезе, безусловно, просматриваются и христианская парадигма осмысления мира, и парадигма публицистическая, свойственная и эмигрантской прозе и советской литературе о революции и гражданской войне.

В изображении Белого движения доминирует героический (жертвенный) этос: мемуаристка идеализирует белых офицеров, которые напоминают ей средневековых рыцарей в латах, живущих согласно девизу «Мой Бог, Мой Король, Моя Дама». Событийный ряд утверждает благородство помыслов, акцентирует напряженную интеллектуальную жизнь этих людей, которые в перерывах между боями спорят о народе, о роли революции в истории, о своем месте в мире и о литературе. Спасаящиеся от красных беженцы – представители дворянской интеллигенции, которые многокилометровым обозом растянулись по великому сибирскому пути,

оберегаемые белой армией, – люди высокой духовности, для которых главной ценностью является томик Пушкина и Библия. И белые офицеры, и беженцы-дворяне ощущают свою преемственную связь с традициями декабристов как борцов за свободу. Напротив, красные – новый антропологический тип, порожденный революцией и гражданской войной (Н. Бердяев), – изображены как самодовольные, жестокие и корыстные хищники (не люди, а хищные птицы). Закономерный в такой парадигме осмысления вопрос о причинах поражения Белого движения – защитников культуры и божественного света – автор объясняет внешними причинами: слабостью руководства, борьбой партийных лидеров за власть, предательством союзников, выжидательной позицией крестьянской массы и, наконец, варварством, коварством, лживостью большевиков, которые обещали народу землю и свободу, а в действительности уничтожили его. В то же время О. Ильина-Боратынская указывает на то, что белые офицеры понимали обреченность борьбы, но следовали своей цели именно потому, что были воспитаны в традициях романтического идеализма XIX века:

«<...> мы отдавали себе отчет в том, что лозунги, с которыми мы шли к массам – такие, как “Учредительное Собрание! Демократия! Свободные выборы!” – были для масс малопонятными и пустыми звуками, тогда как лозунги, провозглашенные красными, с предельной ясностью являли свой смысл: “Всю землю крестьянам! Вся власть рабочим и солдатам!” и особенно: “Смерть эксплуататорам! Бери, что хочешь, оно по праву твое!” Все это, казалось, обрекало нас с самого начала на неудачу.

Но мы так не думали. Мы были уверены, что беспредельная преданность наших сражающихся частей и ненависть, которую испытывали к большевикам в тех районах, которые уже почувствовали на себе их правление, были достаточно мощными факторами, чтобы в конечном итоге мы могли победить. <...>

И если наше поколение действительно отвергло оптимистическую идеологию наших отцов с присущей ей верой в прогресс рода человеческого, мы, тем не менее, унаследовали часть этого оптимизма <...>¹⁵.

Исторические события, таким образом, проблематизировали всю систему ценностей, которым следовала русская интеллигенция, в первую очередь такие идеологемы, как «народ», «свобода», «демократия», «просвещение». Личная одиссея героини, ее поиски себя в историческом лихолетье сюжетно предстают как утрата

---

¹⁵ Ильина-Боратынская, Ольга. Белый путь. Русская Одиссея 1919–1923. Москва: Аграф, 2013, 94. (Здесь и далее цитируется по данному изданию с указанием страниц в тексте).

отцовского Дома и осознание необходимости построения своего Дома на «других берегах». Однако внутренним нервом повествования оказывается другая одиссея – попытка сохранить себя, свой внутренний мир.

Как и в первом романе, в «Белом пути» присутствует исповедальный дискурс. Самым трудным для русской интеллигенции, по мнению Ильиной-Боратынской, были не столько физические лишения и материальные потери, сколько осознание утраты Божественного света в душе и смысла жизни, которые оцениваются героиней как потенциальная возможность личностной деградации:

«<...> как легко было терять наши материальные блага по сравнению с потерей чувства прекрасного, ощущения какого-то более возвышенного, нетленного уровня бытия, который время от времени прорывался сквозь грубый и тленный уровень, давая нам понять, что еще существует. И все же, каким бы нетленным он ни был, наша связь с ним была бы потеряна, не будь мы настороже. Потеряна, сокрушена окружающей нас грубой прозой. <...> Искусство, говорили мы, было тем связующим звеном, которое соединяло нас с возвышенным уровнем бытия, и мы недоумевали, какой же должна быть жизнь тех, у кого такой связи не было. Полная деградация» (139).

Личная судьба с ее трудностями и утратами осмыслена героиней как проверка идеализма и как расплата за слишком отвлеченную умственную жизнь до революции. Свою цель героиня видит в том, чтобы сохранить человеческое достоинство, и силы в неравном противостоянии с миром находит в поэзии («всегда есть безысходность там, где нет поэзии», 139), в любви к людям («только через любовь можно вырваться из границ времени», 36), в своего рода мистическом оптимизме, который был завещан ей отцом: «Никогда не предавайся унынию, – были слова последней записки отца ко мне, написанные в тюрьме, когда он уже знал, что в ту ночь его расстреляют. – Всегда радуйся вечно созидающему духу жизни, и пусть совершаются его чудеса» (31).

Вынужденное путешествие через Сибирь открывает Ните глаза на земную жизнь, на жизнь обычных людей. Ее поразили уклад жизни сибиряков, который не был похож на жизнь крестьян европейской части России: богатство и «монолитность бесклассового общества крестьян-торговцев, крестьян-ремесленников, молокозаводчиков, скотоводов, торговцев зерном, охотников, промышлявших пушниной» (62), независимость их поведения и самодостаточность твердых устоев их патриархального быта, основанного на тяжелом труде, на почитании Бога. Эта Сибирь

не была похожа на «край нищеты и мрака, край ссыльных и каторжников», о котором Нита знала по книгам и песням. Эта Сибирь – «бесконечно богатая, независимая, довольная собой» – открывается перед героиней во всем многообразии человеческих характеров и судеб. Открывается народ, не похожий на тот мифологизированный народнической идеологией образ, который усвоила Нита с детства благодаря своей семье. Открывается, наконец, непроходимая, как кажется на первых порах героине, пропасть между этим народом и дворянской интеллигенцией.

Однако испытания, пережитые беженцами, постепенно сокращают эту пропасть. Голод, холод, физическая усталость, преследовавшая измученных людей, которые вынуждены были постоянно уходить от наступающих большевиков, преодолевая, часто по бездорожью, огромные пространства заснеженной тайги, отсутствие ночлега, необходимость думать не только о себе и сыне, но и о других людях, которые точно так же помогали Ните в случае необходимости, отдавая молоко, хлеб, – все это перерождает изнеженную инфантильную барышню, какой была героиня прежде, делает ее крепче физически и духовно.

Общение с друзьями мужа – белыми офицерами – заставляет Ниту задуматься над вопросами, которые раньше оставались за пределами ее интеллектуальной жизни, и вместе с ними искать на них ответы: о смысле и путях исторического развития, о цене «прекраснодушного идеализма» русской интеллигенции, о роли революции в истории и о грядущей судьбе России. Обсуждение этих вопросов носило вовсе не абстрактный характер научного спора – за ответами на них стояло понимание цели Белого движения, смысла тех тягот и лишений, которым подвергали себя и беженцы, и Белая армия.

«Все мы отдавали себе отчет в том, что в нашей бывшей России (да и во всем мире) было немало такого, что можно было назвать дикостью. Жажда справедливости, стремление к моральному и духовному усовершенствованию, к ценностям, стоявшим выше материального и личного благополучия, пронизывали воздух, которым дышали образованные классы в России, и правые, и левые. Это шло от нашей литературы и истории, нашей религии. <...> И мы считали нашим долгом и привилегией остановить процесс дегуманизации, начатый большевиками. <...> Сама значимость нашей цели – вырвать Россию из агонии – заставляла нас жить неистово и страстно, вопреки всем нашим трагическим неудачам» (93).

Исповедальный дискурс оформляется во втором романе по законам архетипического сюжета жизнь-смерть-воскрешение; в свою очередь, этос смерти-воскрешения актуализирует традицию агиографического повествования, которая проявляется в мотиве чудесной помощи как проявления Божьей милости, в осмыслении образа погибшего отца, предстающего в роли небесного заступника героини. Путь Ниты показан как путь житийного героя-мученика, который, проходя через испытания тела и духа, открывает в себе способность понимать других людей, переселяться в их сознание и в то же время оценивать себя со стороны, что выступает как дар самообъективации. Романное повествование облечено в рамку христианского дискурса: если в начале героиня упоминает о праздниках Рождества, Крещения, Воскресения, то в конце, завершая повествование рассказом о встрече с мужем, она пишет: «этот момент был одновременно и чудесным воскрешением, и преображением, и возрождением» (383), в то время как пережитые невзгоды и лишения предстают как акт крещения. Так в книге смыкаются время личной судьбы как испытания, истории как низшего и преходящего уровня жизни и вечности как нетленного бытия. Испытания Гражданской войны, которые переродили ранее инфантильную героиню и укрепили ее в вере в Бога, в любви к людям, воплотятся в последующем творческом взлете – обретении собственной темы и переходе от поэзии домашнего круга к общезначимой мемуарной прозе. Так жизнь смыкается с литературой.

Таким образом, мемуарные романы О. Ильиной-Боратынской представляют собой сложное художественное целое, в котором реальные факты и впечатления оформляются в соответствии с различными дискурсами – литературными и публицистическими, а живая эмоциональная память корректируется опытом рационального осмысления прожитой жизни.

Ольга Боратынская

Источник: [Постинг №] 1232. «Белый путь» Ольги Ильиной-Боратынской // День за днём, книга за книгой (Блог библиотекарей Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края): <https://kraevushka.livejournal.com/358641.html> (дата доступа: 15.11.2017).
– Фотография хранится в Музее Е. А. Боратынского в Казани.

Усадьба Боратынских на Большой Ямской в Казани

Источник: [Постинг №] 1232. «Белый путь» Ольги Ильиной-Боратынской // День за днём, книга за книгой (Блог библиотекарей Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края): <https://kraevushka.livejournal.com/358641.html> (дата доступа: 15.11.2017).
– Фотография хранится в Музее Е. А. Боратынского в Казани.

Белая зала в усадьбе Боратынских в Казани

Источник: [Постинг №] 1232. «Белый путь» Ольги Ильиной-Боратынской // День за днём, книга за книгой (Блог библиотекарей Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края): <https://kraevushka.livejournal.com/358641.html> (дата доступа: 15.11.2017).
– Фотография хранится в Музее Е. А. Боратынского в Казани.

Отец – Александр Николаевич Боратынский

Источник: [Постинг №] 1232. «Белый путь» Ольги Ильиной-Боратынской // День за днём, книга за книгой (Блог библиотекарей Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края): <https://kraevushka.livejournal.com/358641.html> (дата доступа: 15.11.2017).
– Фотография хранится в Музее Е. А. Боратынского в Казани.

Кирилл Ильин

Источник: [Постинг №] 1232. «Белый путь» Ольги Ильиной-Боратынской // День за днём, книга за книгой (Блог библиотекарей Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края): <https://kraevushka.livejournal.com/358641.html> (дата доступа: 15.11.2017).
– Фотография хранится в Музее Е. А. Боратынского в Казани.

Источник: [Постинг №] 1232. «Белый путь» Ольги Ильиной-Боратынской // День за днём, книга за книгой (Блог библиотекарей Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края): <https://kraevushka.livejournal.com/358641.html> (дата доступа: 15.11.2017).
– Фотография хранится в Музее Е. А. Боратынского в Казани.

Дмитрий Боратынский

Источник: [Постинг №] 1232. «Белый путь» Ольги Ильиной-Боратынской // День за днём, книга за книгой (Блог библиотекарей Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края): <https://kraevushka.livejournal.com/358641.html> (дата доступа: 15.11.2017).
– Фотография хранится в Музее Е. А. Боратынского в Казани.

Источник: [Постинг №] 1232. «Белый путь» Ольги Ильиной-Боратынской // День за днём, книга за книгой (Блог библиотекарей Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края): <https://kraevushka.livejournal.com/358641.html> (дата доступа: 15.11.2017).
– Фотография хранится в Музее Е. А. Боратынского в Казани.

Сан-Франциско, 1928 г.

Источник: Ольга Ильина-Боратынская: «Мы были мировой историей...» [Сообщение о презентации книги „Канун Восьмого дня”, 16 апреля 2004, Музей Боратынского] // <https://history-kazan.ru/283-45> (history-kazan.ru/uploads/2010/03/olga26.jpg)

Источник: [Постинг №] 1232. «Белый путь» Ольги Ильиной-Боратынской // День за днём, книга за книгой (Блог библиотекарей Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края): <https://kraevushka.livejournal.com/358641.html> (дата доступа: 15.11.2017).

Ольга Александровна Ильина
Сан-Франциско, 1950-е

Источник: [Постинг №] 1232. «Белый путь» Ольги Ильиной-Боратынской // День за днём, книга за книгой (Блог библиотекарей Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края): <https://kraevushka.livejournal.com/358641.html> (дата доступа: 15.11.2017).

В Америке

Источник: Ольга Ильина-Боратынская: «Мы были мировой историей...» [Сообщение о презентации книги „Канун Восьмого дня”, 16 апреля 2004, Музей Боратынского] // <https://history-kazan.ru/283-45> (history-kazan.ru/uploads/2010/03/olga_color.jpg)